

Конечно, можно допустить случайное проникновение иноязычной лексики в чужой текст, но, как и всякая случайность, это будут отдельные случаи. Что же касается вопроса русско-чешских литературных связей, то открытые А. И. Соболевским с помощью словарных элементов литературоведческие факты органически включаются в более широкий материал, добытый последующими историко-литературными изысканиями.

При помощи текстологически литературного анализа А. А. Шахматов открыл в составе русской Начальной летописи несомненный западнославянский источник — «Сказание о предложении книг», внесенное в летопись под 898 г. Это «Сказание», по А. А. Шахматову, попало в летопись в начале XII в. Полное соответствие отдельных мест этого «Сказания» вступительной части «Повести временных лет» указывает на то, что первоначально это были составные части одного и того же произведения, которое рассказывало о Кирилло-Мфодиевской миссии в Моравии.³⁶ Положения А. А. Шахматова были развиты Н. К. Никольским.³⁷ Н. К. Никольский обратил внимание на то, что всеславянская идеология этой части памятника не согласуется с идеологической установкой летописца, который основание Русского государства связывает с норманнами, а просвещение и христианизацию восточного славянства — с Византией. В противоположность этому основная тенденция «Сказания» — доказать, что прошлое племени полян, от которых пошла Русь, было связано с судьбой западных славян, моравов, чехов, поляков, притом связано не только общим происхождением, но и общностью письменности, возникшей в Моравии, и единством христианской веры, которая на Западе ведет свою традицию от апостола Павла. В Моравии должна была создаться теория о Дунайской прародине славян, о которой говорится во вступительной части летописи, так же как и упоминание, что «Норици... суть Словене». Все эти данные, по мнению Н. К. Никольского, перешли в летопись из какого-то западнославянского исторического произведения, какой-то моравской хроники, которая говорила о древнейшей истории славян и их крещении. Последняя гипотеза была встречена серьезными возражениями Г. А. Ильинского и В. М. Истрина, но западнославянское происхождение приведенных данных было принято обоими авторитетными критиками как неоспоримый факт. «После его (Никольского, — В. М.) исследования должны исчезнуть всякие сомнения, что перечисленные данные перешли на Русь со славянского Запада».³⁸ «Теперь, разумеется, уже нет сомнений в том, что на Руси в XI веке, а может быть и в X-м, вращались произведения моравского происхождения; однако остается невыясненным путь, по которому они приходили на Русь».³⁹ Западнославянский источник русской летописи признает и Д. С. Лихачев в своем труде о Повести временных лет.⁴⁰

³⁶ А. А. Шахматов. 1) Сказание о предложении книг на словенский язык. — Сборник в славу Ватрослава Јаруџа. Берлин, 1908, стр. 171—188; 2) Повесть временных лет и ее источники. — ТОДРА, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 80—92.

³⁷ Н. К. Никольский. 1) Повесть временных лет...; 2) К вопросу о следах моравско-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи. — Вестник АН СССР, №№ 8—9, 1933, стр. 5—18.

³⁸ Рецензию Г. А. Ильинского см.: Byzantinoslavica, т. II. Prague, 1930, стр. 435.

³⁹ В. М. Истрин. Моравская история славян и история Поляно-Руси как предполагаемые источники Начальной русской летописи. — Byzantinoslavica, т. III. Prague, 1931, стр. 308—331; т. IV. Prague, 1932, стр. 36—66 (см. цитату на стр. 54 в IV томе).

⁴⁰ Повесть временных лет, часть вторая. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»).